

С. М. АБРАМЗОН

К СЕМАНТИКЕ КИРГИЗСКИХ ЭТНОНИМОВ

Важность изучения этнонимии для выяснения происхождения и этнического состава того или иного народа давно признана наукой.

Этнонимы не могут не отражать (в той или иной степени) и общественных отношений на различных стадиях их развития, и отдельных элементов идеологических представлений. В особенности это относится к народам, прошедшим длительный путь исторического развития и все же сумевшим сохранить до последнего времени значительное число черт своей древней культуры вместе с богатством этнонимов.

В этой работе я задался целью проанализировать некоторые киргизские этнонимы. Уклад жизни киргизов, в недалеком прошлом кочевников, с их пастушеской системой скотоводческого хозяйства, устойчивые формы патриархально-родовых отношений, уживавшихся у киргизов со все более и более развивавшимися феодальными институтами, способствовали сохранению у них до наших дней большого числа этнонимов в виде названий племенных и родовых подразделений.

Наиболее значительные материалы по киргизской этнонимике содержатся в трудах акад. В. В. Радлова¹, Н. А. Аристова², Н. Ф. Ситняковского³, В. Н. Дублицкого⁴ и в сборнике «В. В. Бартольд»⁵.

Заслуга первой серьезной попытки истолкования ряда киргизских этнонимов принадлежит талантливому русскому ученому Н. А. Аристову. Несмотря на недостаточную обоснованность, иногда даже наивность даваемых Н. А. Аристовым объяснений происхождения некоторых племенных и родовых названий у киргизов, многие из его выводов достаточно убедительны и не потеряли своего научного значения до настоящего времени. Самым значительным дефектом в безусловно ценной работе Н. А. Аристова является то, что он недостаточно использовал для истолкования этнонимов материалы лексики и киргизского языка, и других языков тюркской системы.

В своем стремлении несколько шире подойти к объяснению киргизских этнонимов, используя как лексические возможности киргизского языка, так и другие источники, мы столкнулись с рядом трудностей, преодоление которых не всегда приводило к положительным результатам.

Наиболее существенными из этих трудностей, являлись:

а) неточность транскрипции самих этнонимов, вызванная тем, что запись их производилась в отдельных случаях без достаточного знания языка;

б) установленный рядом исследователей и подтверждаемый самим

¹ W. Radloff. Aus Sibirien, I—II, Leipzig, 1844—1885.

² Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая старина», III—IV, 1894.

³ Н. Ф. Ситняковский. Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области. Известия Туркестанского отдела Русского Географического общества, II, вып. 1, 1900.

⁴ В. Н. Дублицкий. Родословная таблица (кара) кыргызов, проживающих в Джетысуйской области, и краткая их история. Алма-Ата, 1923.

⁵ «В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927.

материалом факт, что весьма значительное количество названий родовых групп и объединений обязано своим происхождением личным именам их родоначальников или предводителей;

в) сложность этнического состава киргизского народа, требующая при анализе этнонимов наличия достаточных материалов аналогичного характера, относящихся к народам, находившимся на протяжении длительного периода времени в соприкосновении с киргизами, а иногда и органически связанных с ними в общем процессе этногенеза на территории Южной Сибири и Центральной Азии.

Все эти обстоятельства не могли не сказаться в данной работе, которую мы рассматриваем как одну из попыток разобраться в киргизской этнонимике, предложить в рабочем порядке свое объяснение происхождения ряда этнонимов, не претендуя на окончательное решение выдвинутых вопросов. В дальнейшем потребуется уточнение (а в отдельных случаях и пересмотр) предлагаемых нами толкований. Однако избранный нами путь кажется целесообразным и оправданным.

В предлагаемой работе⁶ мы намеренно не ставили себе задачи истолкования этнонимов в целях разрешения вопросов этногенеза киргизов. Этой теме, мы надеемся, будет посвящено специальное исследование.

Находящийся в нашем распоряжении материал по этнонимике позволяет раскрыть некоторые черты общественных и семейных отношений, существовавших у киргизов как в древности, так и в недалеком прошлом. Прежде чем перейти к изложению этой темы, мы считаем уместным остановиться на вопросе, который не раз привлекал к себе внимание исследователей, однако до сих пор еще не получил удовлетворительного разрешения. Мы имеем в виду анализ самого этнонима *кыргыз*. Не приводя уже высказанных по этому поводу в литературе мнений (часть их основывается на киргизских легендах и преданиях), мы считали бы возможным остановиться на гипотезе, предложенной L. Ligeti⁷. Последний в качестве основы этнонима *кыргыз* выдвигал (вслед за Доружи Банзаровым) тюркское слово «кырк» (в значении «сорок»), а в остальной части этнонима видел монгольский суффикс множественного числа. Эта гипотеза находит свое подтверждение в ряде данных, которыми мы теперь располагаем.

Наше ознакомление с текстом киргизского героического эпоса «Манас» показало, что в тех местах эпоса, где дается этническая характеристика киргизов, неизменно указывается на то, что в их состав входят сорок племен или родов. Так, в одном из отрывков эпоса, при перечислении киргизских племен, мы находим следующие строки:

... Кырк уруусу кыргызмын
 ... Кырк уруу болгон кыргызым
 ... Кырк уруу кыргыз уругум
 (... Сорокаплеменный я кыргыз
 ... Из сорока племен составившиеся мои кыргызы
 ... Сорок племен — мое кыргызское племя).

Поскольку указанный отрывок эпоса не опубликован, мы перечислим приведенные в нем племенные названия: *катаган*, *багыш*, *могол*, *найман*, *тейит*, *жоокести**, *бостун*, *набат**, *нойгут*, *кумара**, *окчу**, *серип**, *жедигер*, *кыдыришаа*, *кызыл-аяк*, *басыз*, *баркы*, *мундуз*, *кучшу*, *кылыч-тамга*, *кыба*, *кыпчак*, *жетиген*, *саяк*, *сапыран**, *наамут**, *ардай**, *тоту**, *тагылык*, *көкүнө**⁸.

⁶ Ее осуществлению содействовали помощь и материалы, предоставленные Институтом языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР.

⁷ L. Ligeti. Die Herkunft des Volksnamens Kirgis. Zeitschrift für türkische Philologie und verwandte Gebiete, I. B., 5. H. I April 1925.

⁸ Названия, отмеченные звездочками, не встречаются в современной киргизской этнонимике.

В данном отрывке из эпоса перечислено лишь тридцать племен. По словам знатоков «Манаса», в других вариантах эпоса содержится перечень сорока племен. Следует иметь еще в виду, что у киргизов существует деление на *отуз уул* (тридцать сыновей) и *он уул* (десять сыновей).

Эти настойчивые указания эпоса и легендарные предания у современных киргизов дали нам повод подвергнуть рассмотрению существующее у киргизов племенное деление. Оказалось, что число основных этнических подразделений среди киргизов, которые являются более или менее обособленными и которые по ряду признаков могут быть названы племенными образованиями, колеблется от 35 до 38. Таким образом, числовое обозначение *кырк*, как основа этнонима *кыргыз*, приобретает реальное значение.

Если к этому добавим, что в составе западной группировки монгольских племен — ойратов также, повидимому, насчитывалось сорок племен (ср. «Образцы народной литературы монгольских племен» А. Позднеева, СПб., 1880, стр. 135), то для нас станет понятным, что деление на сорок племен у киргизов не было простой случайностью и восходит, по всей вероятности, к тому отдаленному времени, когда киргизские племена вместе с предками монголов переживали общий процесс этногенеза. Вполне возможно допустить, что в основе этого деления на сорок племен лежали социально-политические факторы и, в частности, существовавшие в древности формы военной организации. В связи с этим заслуживает внимания та крупная роль, которая отводится в киргизском эпосе дружине богатыря Манаса, состоящей из 40 витязей (*кырк чоро*), большинство которых, по эпосу, являются одновременно предводителями племен и родов.

Все сказанное приводит к выводу, что этноним «кыргыз» восходит к эпохе образования на территории Центральной Азии объединений типа племенных союзов, которые составлялись из многих племен различного происхождения. Одним из таких объединений и был, как мы полагаем, союз из сорока племен, получивший имя «кыргыз».

Как известно, помимо племенного деления у киргизов имеется еще деление на два «крыла»: «он₁» — правое, и «сол» — левое. Почти все киргизские племена распределяются между этими двумя крыльями. Это деление аналогично существующему у монгольских племен и, вероятно, на своей более поздней стадии было связано с военной организацией (правый и левый фланги войска).

Нас заинтересовал тот факт, что один из исследователей — Н. Ф. Ситняковский (см. выше) впервые отметил существование деления на «он» и «сол» *внутри* крупных племенных союзов *отуз-уул* и *ичкилик*, которые он называет родами. Вопреки утверждениям некоторых исследователей, что племенной союз *ичкилик* находится вне двух киргизских «крыльев», автор убедительно показывает, что племенной союз *ичкилик* сам распадался на две группы — правую и левую. Это обстоятельство заставляет предположить, что в данном случае мы имеем дело с явлением более глубокого порядка. Действительно, внутри крыла «он₁» мы снова обнаруживаем деление на две группы, названия которых народные предания связывают с именами их родоначальников: Тагай и Адыгине.

Не имеет ли это явление, прослеживаемое в нескольких плоскостях, связи с наиболее древней структурой общества, с фратриальным делением, основанным на господстве кровнородственного начала? Деление на две фратрии могло в процессе длительного исторического развития принять современные нам формы, а на известном этапе стало вполне соответствовать и принципам военной организации древних киргизов, как и других тюрко-монгольских племен.

В подтверждение нашей точки зрения рассмотрим упомянутые названия двух подразделений крыла «он»: Тагай и Адыгине.

Термином *тага* в современном киргизском языке обозначается дядя со стороны матери, т. е. самый близкий родственник для периода господства материнского счета родства. Аналогичный термин *тагай*, *тахай* (или *тауай*) в том же значении мы находим и в древних тюркских языках⁹.

Название второго подразделения — Адыгине — до сих пор не поддается расшифровке. Предлагаемое нами ниже толкование этого этнонима мы считаем лишь попыткой найти ключ к его разгадке.

В первой части этого этнонима в заостренней форме могло сохраниться древнетюркское слово *adyq* — медведь, в современном языке принявшее форму *айуу*. У ряда тюркских народов, например у алтайцев (ойротов), медведь пользуется особым почитанием и с ним связывается круг представлений и обрядов. Медведь считался родоначальником некоторых родов. Вторую часть этнонима мы склонны рассматривать как видоизмененное слово *ини* в его значении «младший брат»¹⁰.

Тогда весь этноним может быть истолкован как «медведь — младший брат». При таком толковании он увязывается с этнонимом Тагай и, следовательно, фратрия Тагай относилась бы к фратрии Адыгине, как фратрия старших родственников к фратрии младших родственников. В этом случае медведь, как составная часть имени фратрии Адыгине, мог выступать в качестве имени тотема этой фратрии¹¹. Ниже мы покажем, что следы тотемических представлений обнаруживаются и в некоторых других киргизских этнонимах.

Система отношений, связанная с господством у киргизов в прошлом материнского строя, нашла свое частичное, уже в рудиментарной форме, отражение в современной этнонимике. Это явление тем более заслуживает внимания, что общественный строй киргизов уже в течение многих столетий покоится на вполне развитых патриархальных отношениях, и вся основная номенклатура родства, а следовательно, и все родословные таблицы и предания генеалогического характера, исходят из принципа главенства мужчины.

Как мы указывали, в киргизской легенде наряду с предками-мужчинами, упоминается и женщина Нааль¹².

В родословной таблице, опубликованной в упомянутой работе В. Н. Дублицкого, мы встречаем ту же Нааль — единственную женщину, включенную в число предков киргизов. В таблице с именем Нааль связывается происхождение нескольких родовых подразделений: *мунгал*, *карамунгуш*, *чирак*, *дур*, *таманак*, *конрат*.

Мы не склонны приписывать этой родословной таблице значение исторического документа, но и в своем полуполюгендарном историческом виде она все же донесла до нас отзвуки некогда существовавших общественных явлений.

В свете приведенного факта, может быть, не является случайностью, что среди киргизских этнонимов мы находим этнонимы, связанные с термином «женщина». Так, в роде *желден*, входящем в племя *бугу*, В. В. Радловым отмечено подразделение *сары-катын* в количестве 500

⁹ Н. А. Аристов в своей работе «Опыт выяснения этнического состава» дает неточное толкование этого термина, как «двоюродный брат».

¹⁰ Это вполне согласуется с киргизской легендой, опубликованной в сборнике «В. В. Бартольд» (Ташкент, 1927), согласно которой Адыгине был братом Тагая. Тагай являлся дядей по отношению к сыну своей сестры Нааль. От сына Нааль, как указывает легенда, возник род *могол*.

¹¹ Обращает также внимание на название рода Адаркиний и собственное имя Тагай, упоминаемые в «Сокровенном сказании» (Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1886, стр. 117).

¹² Ср. упоминаемую в призываниях бурятской шаманки мать онгона — Нал-Хатун (Г. Н. Потанин. Очерки Северо-западной Монголии, т. IV, СПб., 1883, стр. 108, сл.).

кибиток, а среди племени *монгуш* одно из подразделений рода *кош-тамга* носит название *улуу-катын*.

В киргизских этнонимах сохранились доньше пережитки представлений о кровном родстве как принципе, на котором зиждились отношения в первобытном обществе. Эта категория этнонимов раскрывает перед нами самую сердцевину кровно родственных отношений, запечатленных в ряде терминов современного киргизского языка. Таковы термины *боордоштук* (кровное родство), *карындаш* (родственник)¹³, *киндиктеш* (*единоутробный*) и др.

В основе этих терминов лежат названия частей человеческого тела: *боор* — печень¹⁴, *карын* — живот, *киндик* — пуп, пуповина, и т. д. Как видно из изложенного, за этими терминами скрывается понятие о кровном родстве *по материнской линии*, которое и у многих народов обозначается через термины, близкие по семантике к вышеназванным¹⁵.

Под названием *боор* известны: род в составе племени *сару* (Чуйская долина), род из племени *бугу* (Иссык-кульская котловина), подразделение рода *могол* (Ферганская долина).

В основе многочисленной группы этнонимов этого же ряда лежат термины, обозначающие собственно «племя», «род», «потомство», «поколение», «семья» и др., именно *уруу*, *урук*¹⁶, *тукум*.

К этой группе относятся такие этнонимы, как *кырк-уруу* (племя *кырк-уул*), *жети-уруу* (племя *сару*), *уч-урук*, *кара-тукум* (племя *черик*), *асан-тукум*, *арык-тукум* (племя *бугу*), *кенже-тукум*, *кара-туума* (племя *канды*), *туума-тукум* (племя *найман*), *тукум-тейит* (племя *тейит*) и др. Обращает на себя внимание наличие в составе этих этнонимов термина *кенже* (последыш; младший ребенок) и отглагольной формы *туума* (*туу* — родить)¹⁷.

Представляет интерес этноним *куу-сөөк* (сухая кость) — название рода из племен *черик*. В литературе отмечено, что у киргизов, как и у современных алтайцев (ойротов), когда-то существовало деление на кровно родственные группы или кости — *сөөк*. Вышеупомянутый этноним — пока единственный из зарегистрированных этнонимов, в котором представлен термин *сөөк*¹⁸.

Выдающийся интерес представляет многочисленная группа этнонимов, характеризующих военное прошлое киргизов. Это вполне естественно, если учесть, какую роль в жизни киргизов в течение многих веков играли войны и столкновения, большинство которых состояло в борьбе киргизов против чужеземных захватчиков.

Выработавшаяся в процессе этой борьбы сложная военная организация пронизывала все стороны социальной жизни киргизов и не могла не отразиться и на их этнонимике.

Термин *черик* (кирг. — солдат, монг. — войско) служил этнонимом (или его основой) не только отдельных родовых подразделений, но и целого племени — *черик*. Под названием *чоро* нам известны в киргизском эпосе 40 витязей-дружинников Манаса (*кырк-чоро*). Это же название принадлежит приводимому в сборнике «В. В. Бартольд» пле-

¹³ Ср. шорское *карындаш* — единоутробный.

¹⁴ Этот же термин имеет значение «кровный родственник» (см. Киргизско-русский словарь К. К. Юдахина, М., 1940).

¹⁵ У арабов, например, кровных родственников называют «*sabawahferut*», т. е. «люди, вышедшие из одной утробы» (словом «*batn*» — утроба, живот — называются также семья и *gens*).

¹⁶ Ср. монгольское *игид* — родственники.

¹⁷ Если приводимое Дубликиным наименование родового подразделения «*тюяк*» достоверно, то оно должно звучать в действительности как *туйак* и тогда, несомненно, означает «потомство».

¹⁸ Не исключено, что в этом этнониме элемент *куу* имеет значение «лебедь». Тогда мы могли бы усматривать в нем имя тотема этой кости.

мени — *кара-чоро*, одному из родов племени *саяк* и родовому подразделению племени *бугу* (в форме *чон₁-чоро*).

В имени родового подразделения Дюмен, приводимого Дублицким, возможно, следует видеть *түмөн* в значении «десять тысяч» (самое крупное соединение в составе киргизского войска).

Эпос называет в составе киргизского войска прежде всего лучников. Этому вполне соответствует название рода *кара-саадак*, представленного в племенах *кесек* и *канды* (*саадак* — лук со всем набором: колчаном и стрелами).

Повидимому, сюда же примыкает приводимое в «Манасе» при перечислении киргизских родов название рода (племени) *окчу*, которое указывает либо на военную специальность данного рода (стрелки из лука; *ок* — стрела), либо на характерное для членов данного рода занятие («изготавливающие стрелы») ¹⁹, имевшее важное значение в эпоху непрерывных войн.

В названии рода *жалан-найза* (племя *солто*) мы считаем возможным видеть род войска, вооруженного исключительно копьями (*найза* — копье) — копьеносцев.

Семантика некоторых этнонимов позволяет высказать предположение, что отдельные части киргизского войска, представленные определенными родовыми подразделениями, различались не только по своему вооружению, но и по своей одежде, и по мастям лошадей. На эти черты, характерные для киргизского войска, представлявшего собой в основном легкую конницу, дает прямые указания материал киргизского эпоса «Манас». В эпизоде эпоса, описывающем приезд ханов к Манасу перед «Великим походом», имеются, например, следующие строки:

2330 «...Стройно сидя на конях масти «сарая» (желтопестрой, т. е. гнедой),
Опяса (т. е. надев) шубы «сарынджы» (название вида или сорта верхней одежды)

С криком (= с возгласами), махая знаменами
(идет) войско (= воины) героя Төштүка» ²⁰.

В этой связи мы и рассматриваем такие этнонимы, как название племени *бостон* (от *боз* — серый и *тон* — шуба) ²¹, родовые названия *ак-тондуу* — белолубники (в племенах *кытай* и *багыш*), *кара-бостон* — темносерые шубы (племя *черик*), имена родовых подразделений *сары-калпак* — желтая шапка (племя *бугу*) и *узун-калпак* — высокая (буквально длинная) шапка (племя *черик*).

В свете этих материалов мы считаем уместным обратить внимание на упоминаемое в некоторых источниках название для киргизов — *ак-калпак* — белая шапка (оно известно и самим киргизам). Возможно, что этот этноним, как и этноним *кара-калпак* — черная шапка (народное самоназвание кара-калпаков), не являются случайными и находятся в какой-то связи друг с другом, восходя к общему для предков киргизов и кара-калпаков этапу этногенеза, протекавшему в обстановке складывавшейся у кочевников военной организации.

Среди родовых названий, указывающих на большое значение масти лошадей в войсковых формированиях у киргизов, отметим следующие: *боз* — белый, сивый, серый и т. п. (племя *найман*), *тору* — гнедой (племя *черик*), *тору-айгар* — гнедой жеребец (племя *кыпчак*), *күрбөн₁* — темнорыжий и др. Не исключено, что и название племени *кон₁урат* (под таким же названием известны племена в составе узбеков, казахов и других тюркских народов) имеет прямое отношение к древней воен-

¹⁹ Ср. монг. *sütüci* — делающий стрелы.

²⁰ Из подстрочного перевода проф. Поливанова, хранящегося в Институте языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР.

²¹ В приведенном выше перечне киргизских племен в эпосе «Манас» мы находим *бостун*. Такое название потребовало бы иного толкования.

ной организации (не выступали ли воины из этого племени на темнубурых конях?).

В составе некоторых племен (*баргы, сару*) имеются роды, названия которых (*олжо, олжоке*) включают термин *олжо*, под которым в киргизском языке разумеется добыча: военная или охотничья. Этот термин в монгольском языке имеет дополнительное значение: пленник. Законно поставить вопрос — не сформировались ли эти роды из числа пленников, захваченных в качестве военной добычи?

К рассмотренной группе этнонимов мы находим возможным присоединить еще несколько близких по семантике. В них выражены главным образом отношения вражды или, наоборот, мира и дружбы. Таковы этнонимы *жоо-кесек* (враждебные, находящиеся во вражде *кесек*'и; *кесек* — племенное название, служащее составной частью названий некоторых входящих в это племя родов), *жоо-чалыш* (имеющие вид врага, подобные врагу), *жоо-кести* (отрезавшие врага [?]), *анда* (монг. *анда* — друг). По нашему мнению, сюда же можно отнести этноним *канды* (название племени; возможно, произносится и *кандуу*), который мы предложили бы истолковать так: находящиеся в кровной вражде, «кровники» (от *кан* — кровь). Такое толкование вполне согласуется с обычаем кровной мести, имевшим в отдаленном прошлом широкое распространение.

Некоторые этнонимы проливают свет на происходившие в прошлом процессы этнического и социального порядка, указывая, в частности, на смешанный, сборный характер отдельных родовых подразделений, на их особое от основной массы этническое происхождение. Об этом свидетельствует название племени *кесек*²², распространенного на территории Ферганской долины, Каратегина и Памира (входящие в него роды также носят названия: *бай-кесек, кара-кесек, жоо-кесек, таи-кесек*), рода *курама-кыпчак* из племени *кыпчак* (*курама* — сборный; составившийся из представителей различных родов; приставший к чужому роду). Несомненно социальный характер носит название рода *уркунчи* из племени *найман* (основой его послужил глагол *урк* — пугаться; шарахаться; но — *уркун, урккөн* — бежавшие).

Черты классовой дифференциации, с ее элементами патриархального рабства и становлением феодальных отношений, проступают в ряде этнонимов, причем характерно, что почти все они относятся к племени *сары-багыш*. Среди них мы находим названия родов *манап* и *чала-манап, жети-кул* (семь рабов), *кара-кул* (род под таким названием представлен также в племени *солто*). Заметим, однако, что ряд родовых подразделений, сформировавшихся из числа бывших рабов и военнопленных, известен под названиями, не всегда указывающими на их происхождение.

Наконец, сравнительно небольшая группа этнонимов отразила значительную роль в прошлом охоты, как одного из основных занятий киргизов. Сюда мы относим прежде всего этнонимы, в которых содержится элемент *мерген* в его значении «меткий стрелок», «охотник»: *куртка-мерген* (род племени *саяк*), *кара-мерген* (род племени *солто*), затем название племени *кушчу* (так же называется один из родов племени *солто*), которое мы рассматриваем в значении «охотник с ловчими птицами». В названии рода Джеранчи в составе племени *басыз*, приводимом Ситняковским, нельзя не видеть термина *жейренчи* со значением: «охотник на джейранов». Даже если отдельные этнонимы такого рода обязаны своим происхождением имени того или иного родоначальника, это не колеблет нашего мнения о значении данной группы этнонимов для выяснения роли охоты в хозяйстве киргизов в отдаленном прошлом.

²² *Кесек* в киргизском и монгольском языках означает: кусок, комок.

Особняком стоит ряд этнонимов, рассматриваемых нами семантически, как этнонимы-прозвища. Они могли появиться по разным поводам; основной некоторых из них является насмешка над действительными или мнимыми качествами или внешними признаками данного родового подразделения.

В качестве этнонимов этого типа перечислим следующие: название рода *сарылар* — рыжие, русые (племя *кош-тамга*), рода *жеерде* — рыжий (племя *найман*), рода *сакоо-кыпчак* (*сакоо* — заика), из племени *кыпчак*, рода *жоош* — кроткие, смирные (племя *жагалмай*), рода *чыргоо* — обидчивые, несговорчивые (племя *канды*), рода *тентек* — шаловливые, озорные (племя *найман*), рода *топор* — голь перекатная, рода *чон-чарык* — большие поршни (племя *сары-багыш*), родов *чолок-туума* (племя *черик*) и *кара-чолок* (племя *мундуз*); *чолок* означает куций, кургузый и т. п.

Исследователи (В. В. Радлов, Н. А. Аристов и др.) уже давно обратили внимание на то, что названия некоторых киргизских племен происходят от названий диких животных. В качестве примеров приводились названия племен *бугу* (*бугу* — самец оленя или марала), *багыш*, *сары-багыш*, *чон-багыш*, *кара-багыш* (*багыш* — лось). При более тщательном рассмотрении киргизских этнонимов мы обнаружили, что не только названия многих родовых подразделений, но и этнонимы нескольких других племен также восходят к названиям животных и птиц. Таковы племена *бору* (волк), *жору* (общее название для нескольких подсемейств несоколиных дневных хищных птиц) и *жагалмай* (чеглок).

В названиях киргизских родов широко представлены аналогичные элементы. Приведем здесь лишь часть выявленных нами этнонимов: *каман* — кабан (племя *мундуз*), *кийик-найман* (племя *найман*; *кийик* — общее название для всех разделянокопытных животных, кроме свиней), *куран-найман*; *куран* — самец косули (племя *найман*); *тулку* — лисица (племя *сары-багыш*) и др.

Еще чаще в этнонимах встречаются названия птиц: *борбаш* — большой серый сорокопут, лунь (племена *канды* и *кесек*); *босторгой*, *торгой* — жаворонок (племена *найман* и *бугу*); *жапалак* — сова (племя *жагалмай*); *кара-кунас* — аист (племена *жору* и *кыпчак*); *кара-кучкач* — черный скворец; *кюйкө* — пустельга; *үкү* — филин (племя *солто*); *сары-боор* — черногрудый рябок и др.

Древнекиргизские эпитафии говорят о существовании у древних киргизов тотемистических представлений: тотемами, в частности, были барс, олень, волк (последний являлся тотемом и у других тюркских народов). Барс и волк часто служат положительными эпитетами богатырей в киргизском эпосе. Персидский автор XI в. Гардизи свидетельствует, что объектами поклонения киргизов были, в частности, корова, еж, сорока, сокол²³.

Значительная роль, принадлежавшая в идеологии древних киргизов тотемистическим представлениям и культу животных, подтверждается, таким образом, и данными этнонимики. О некоторых пережитках культа животных нам известно и по этнографическим материалам²⁴.

Вполне вероятно, что с почитанием некоторых животных в качестве тотемов связан также и тот факт, что среди названий месяцев в киргизском народном календаре мы встречаем те же, что и в этнонимах, названия животных: *бугу* и *куран* (в форме *жалган-куран* и *чын, куран*),

²³ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Записки Академии Наук, Ист.-фил. отд., VIII серия, вып. IV, СПб., 1897.

²⁴ См., например, Ф. Поярков. Каракиргизские легенды, сказки и верования. Памятная книжка и адрес календарь Семиреченской области на 1900 год. Верный, 1900.

а также *теке* (горный козел) и *кулжа* (горный баран-самец). В таком случае эти месяцы могли носить священный характер. Празднества в честь тотемов должны были сопровождаться принесением жертв. В этой связи заслуживает внимания наличие в киргизском и других тюркских языках глагола *багышта*²⁵ — посвящать, приносить в дар, в жертву (отсюда *багыштоо* — посвящение, принесение в дар)²⁶. Тождество корня этого глагола с названием лося (*багыш*) наводит на мысль, что этот глагол мог появиться в языке именно в связи с принесением жертв в честь тотема, каким в данном случае был лось. Дальнейшее исследование должно показать, не следует ли необъяснимый пока этноним — племенное название *тейит* (в записях встречается и форма «Таит») рассматривать в свете существования глагола *тайы* — приносить в жертву.

Из других элементов идеологии древних киргизов в этнонимике отложились (правда, в виде очень тонкого слоя) и космогонические представления. В составе племен *сары-багыш* и *солто* (крыло «он₁»), и в составе крыла «сол» представлен род *жетиген* (созвездие Большой Медведицы). Можно предполагать, что с этим же этнонимом связано название рода *жедигер*²⁷. Любопытно, что в его составе имеются два подразделения: *асан* и *йсөн* (соответствующие именам Хасан и Хусейн). В киргизском языке²⁸ выражение *асан-йсөн* является синонимом слова *көк-желе* (буквально *көк* — небо, *желе* — веревка, служащая для привязывания жеребят или телят) со значением «радуга».

При сопоставлении материалов этнонимики с личными именами героев киргизского эпоса «Манас» оказалось, что значительная группа этнонимов полностью совпадает с именами основных героев эпоса. Очевидно, источником значительного количества этнонимов, не приведенных нами в предыдущем изложении, явились личные имена действительных предков или родоначальников отдельных киргизских родов. Таким образом носители этих имен могут рассматриваться как действительно существовавшие исторические личности. Наличие в эпосе героев с аналогичными этнонимам именами, в большинстве случаев выступающих как вожди и предводители племен и родов, заставляет высказать предположение, что киргизский героический эпос отразил в себе не только определенные исторические события, но и конкретные исторические личности, жившие и действовавшие в разные эпохи. Воспоминания об этих личностях, переплавленные в горниле эпического творчества, превратились в повествование о жизни и подвигах целой плеяды эпических богатырей, объединенных вокруг основного героя эпоса — Манаса.

Наши наблюдения изложим в виде небольшой таблицы:

Имена героев эпоса «Манас»	Названия родовых подразделений у современных киргизов
1. Чубак — один из 40 витязей (чоро) Манаса	ак-чубак, бай-чубак (племя черик)
2. Кошой — один из военачальников Манаса	кошой (племя солто)
3. Эштек — дядя Манаса со стороны матери	эштек или эstek — отец Солто — родоначальника племени солто
4. Жамгырчы — сын Эштека	жамгырчы (племя солто)
5. Мусбурчак — союзный Манасу хан	мусбурчак (племя сару)
6. Көкчө — союзный Манасу хан	көкчө-улу (племя баргы)

²⁵ Узб. *багишlamak*.

²⁶ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, М., 1940, стр. 63.

²⁷ Ср. алтайское *йеткер* (*тьеткер*) — один из бесчисленных злых духов, нечистая сила; монг. *читкур* — злой дух.

²⁸ К. К. Юдахин. Цит. соч., стр. 551.

Мы далеки от мысли считать нашу тему окончательно завершенной. Дальнейшие работы в этом же направлении помогут исправить допущенные ошибки, заполнить пробелы и (мы надеемся) подтвердят нашу основную мысль: важность и необходимость использования этнонимии, как ценного этнографического источника.
